

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НЕОЖИДАННОЕ ИЗВЕСТИЕ

Сам Седрик ничего об этом не знал. При нём об этом даже не упоминали. Он знал, что отец его был англичанин, потому что ему сказала об этом мама; но отец умер, когда он был ещё совсем маленьким, так что он почти ничего о нём и не помнил — только что он был высокий, с голубыми глазами и длинными усами, и как это было замечательно, когда он носил Седрика на плече по комнате. После смерти отца Седрик обнаружил, что с мамой о нём лучше не говорить. Когда отец заболел, Седрика отправили к друзьям погостить, а когда он вернулся, всё было кончено; а мама, которая тоже очень болела, только-только стала подниматься с постели, чтобы посидеть в кресле у окна. Она побледнела и похудела, ямочки исчезли с её милого лица, а глаза стали большими и грустными. Одета она была в чёрное.

— Дорогая, — сказал Седрик (так называл её отец, и мальчик перенял у него эту привычку), — Дорогая, папа выздоровел?

Плечи её задрожали, и он заглянул ей в лицо. В глазах у неё было такое выражение, что он понял: сейчас она заплачет.

— Дорогая, — повторил он, — папе лучше?

Внезапно сердце ему подсказало, что надо поскорей её обнять, и расцеловать, и прижаться мягкой щекой к её лицу; он так и поступил, а она склонила голову ему на плечо и горько заплакала, крепко обхватив его руками, словно не желая отпустить.

— О да, ему лучше, — отвечала она с рыданием, — ему совсем, совсем хорошо! А у нас с тобой никого больше нет. Никого во всём белом свете!

И тогда, как ни был он мал, Седрик понял, что отец, такой большой, молодой и красивый, больше не вернётся; что он умер, как некоторые другие люди, о смерти которых он слышал, хоть и не понимал, что это такое и почему мама так грустит. Но так как она всегда плакала, когда он заговаривал об отце, он про себя решил, что лучше не говорить с ней о нём; и ещё он заметил, что лучше не позволять ей задумываться, глядя в окно или в огонь, играющий в камине. Знакомых у них с мамой почти не было, и жили они весьма уединённо, хоть Седрик этого и не замечал, пока не подрос и не узнал, почему их никто не навещает. Дело в том, что, когда отец женился на его маме, мама была сиротой и у неё никого не было. Она была прехорошенькая и жила в компаньонках у богатой старухи, которая плохо с ней обращалась, и однажды капитан Седрик Эррол, приглашённый к старухе в гости, увидел, как молоденькая компаньонка в слезах взбежала по лестнице; она была так прелестна, нежна и печальна, что капитан не мог её забыть. И после всяческих странных происшествий они познакомились и полюбили друг друга, а потом и поженились, хотя их брак кое-кому не понравился.

Больше всех разгневался старый отец капитана — он жил в Англии и был весьма богатый и знатный аристократ; он обладал весьма дурным нравом и ненавидел Америку и аме-

риканцев. У него было два сына, старше капитана Седрика; старшему из этих сыновей по закону надлежало унаследовать фамильный титул и великолепные имения; в случае смерти старшего сына наследником становился второй; капитан Седрик, хоть он и был членом такой знатной семьи, не мог надеяться на богатство.

Однако случилось так, что природа щедро наделила младшего сына всем, в чём она отказала старшим братьям. Он был не только красив, строен и изящен, но и отважен и великодушен; и обладал не только ясной улыбкой и приятным голосом, но и на редкость добрым сердцем и, казалось, умел заслужить всеобщую любовь.

Старшим братьям во всём этом было отказано: они не отличались ни красотой, ни добрым нравом, ни умом. В Итоне никто с ними не дружил; в колледже они учились без интереса и только даром тратили время и деньги, не находя и здесь настоящих друзей. Старого графа, своего отца, они без конца огорчали и ставили в неловкое положение; его наследник не делал чести фамильному имени и обещал стать просто самолюблённым и расточительным ничтожеством, лишённым мужества и благородства. Граф с горечью думал о том, что младший сын, которому предстояло получить лишь весьма скромное состояние, был милым, красивым и крепким юношей. Порой он готов был рассердиться на него за то, что ему достались все те достоинства, которые так подходили бы пышному титулу и великолепным именьям; и всё же упрямый и надменный старик всем сердцем любил своего младшего сына.

Однажды в порыве досады он отправил капитана Седрика в Америку — пусть себе попутешествует, тогда можно будет не сравнивать его постоянно с братьями, которые в то время особенно досаждали отцу своими выходками.

Однако спустя полгода граф начал втайне скучать по сыну — он отправил капитану Седрику письмо, в котором велел ему

возвращаться домой. В это же время капитан тоже послал отцу письмо, в котором сообщал, что полюбил хорошенькую американку и хочет жениться на ней. Граф, получив письмо, пришёл в ярость. Как ни суров был его нрав, он никогда не давал ему воли так, как в тот день, когда он прочитал письмо капитана. Он так разгневался, что камердинер, который находился в комнате, когда принесли письмо, испугался, как бы милорда не хватил удар. В гнев своём он был страшен. Целый час он метался, как тигр в клетке, а потом сел и написал сыну, чтобы тот никогда больше не показывался ему на глаза и не писал ни отцу, ни братьям. Может жить как хочет и умереть где хочет, а о семье пусть забудет и пусть до конца дней не ждёт от отца никакой помощи.

Капитан очень опечалился, прочитав это письмо; он любил Англию, а ещё больше — красивый дом, в котором родился; он любил даже своего своенравного отца и сочувствовал ему; однако он знал, что теперь ему нечего надеяться на него. Поначалу он совсем растерялся: он не был приучен к труду, опыта в делах у него не было; зато у него было вдоволь решимости и мужества. Он продал свой офицерский патент, нашёл себе — не без труда — место в Нью-Йорке и женился. По сравнению с прежней его жизнью в Англии перемена в обстоятельствах казалась очень велика, но он был счастлив и молод и надеялся, что, прилежно трудясь, достигнет многого в будущем. Он купил небольшой дом на одной из тихих улочек; там родился его малыш, и всё там было так просто, весело и мило, что он ни разу ни на миг не пожалел, что женился на хорошенькой компаньонке богатой старухи: она была так прелестна и любила его, а он любил её.

Она и вправду была совершенно прелестна, а малыш походил и на неё и на отца. Хоть он и родился в таком тихом и скромном доме, казалось, что счастливее малыша не найти. Во-первых, он никогда не болел, а потому не доставлял



никому забот; во-вторых, характер у него был такой милый и вёл он себя так очаровательно, что всех только радовал; а в-третьих, он был на удивление хорош собой.

Он появился на свет с чудесными волосами, мягкими, тонкими и золотистыми, не то что другие младенцы, которые рождаются с голенькой головкой; волосы у него вились на концах, а когда ему исполнилось полгода, завились крупными кольцами; у него были большие карие глаза, длинные-предлинные ресницы и очаровательное личико; а спинка и ножки были такие крепкие, что в девять месяцев он уже начал ходить; вёл же он себя всегда столь хорошо, что залюбуешься. Казалось, он всех считал друзьями, и если кто-нибудь заговаривал с ним, когда его вывозили в коляске погулять, он внимательно смотрел своими карими глазами, а потом так приветливо улыбался, что не было по соседству ни одного человека, который не радовался бы, завидев его, не исключая бакалейщика из угловой лавки, которого все считали брюзгой. И с каждым месяцем он всё умнел и хорошел.

Когда же Седрик подрос и начал выходить, волоча за собой игрушечную тележку, на прогулку, то вызывал всеобщее восхищение, так он был мил и ладен собой в своей короткой белой шотландской юбочке и большой белой шляпе на золотистых кудрях. Вернувшись домой, няня рассказывала миссис Эррол о том, как дамы останавливали коляски, чтобы посмотреть на него и поговорить с ним. Как они радовались, когда он весело болтал с ними, будто век был с ними знаком! Более всего пленял он тем, что умел без труда подружиться с людьми. Происходило это, скорее всего, из-за его доверчивости и доброго сердца — он был расположен ко всем и хотел, чтобы всем было так же хорошо, как ему. Он легко угадывал чувства людей, возможно оттого, что жил с родителями, которые были любящими, заботливыми, нежными и хорошо воспитанными людьми. Маленький Седрик никогда не слышал недоброго или грубого слова; его всегда любили, о нём заботились, и детская его душа исполнилась доброты и открытой приязни. Он слышал, что отец называл маму



нежными и ласковыми именами, и сам называл её так же; он видел, что отец оберегал её и заботился о ней, и сам научился тому же.

И потому, когда он понял, что отец больше не вернётся, и увидел, как печалится мама, им понемногу овладела мысль, что он должен постараться сделать её счастливой. Он был ещё совсем ребёнком, но думал об этом, когда садился к ней на колени, целовал её и клал свою кудрявую головку ей на плечо, и когда показывал ей свои игрушки и книжки с картинками, и когда влезал на диван, чтобы прилечь рядом с ней. Он был ещё мал и не знал, что бы ещё ему сделать, но делал всё, что мог, и даже не подозревал, какое он для неё утешение. Однажды он услышал, как она говорит старой служанке:

— Ах, Мэри, я вижу, что он хочет на свой лад меня утешить. Он иногда смотрит на меня с такой любовью и недоумением в глазах, словно жалеет меня, а потом вдруг подойдёт и обнимет или покажет мне что-нибудь. Он настоящий маленький мужчина, и мне, право, кажется, что он всё знает!

По мере того как он рос, у него появились свои привычки, которые необычайно забавляли и занимали всех, кто его знал. Он проводил так много времени с матерью, что она почти и не нуждалась более ни в ком. Они и гуляли, и болтали, и играли вместе. Читать он научился очень рано; а научившись, ложился обычно вечером на коврик перед камином и читал вслух — то сказки, а то большие книги для взрослых, а то так даже и газеты; и Мэри в таких случаях не раз слышала у себя в кухне, как миссис Эррол смеётся над его забавными замечаниями.

— И то сказать, — сообщила Мэри как-то бакалейщику, — послушать, что он говорит, так и не хочешь, а рассмеёшься. Уж так-то забавно он всё говорит и так обходительно! А вот в тот вечер, когда выбрали нового президента, явился он

ко мне на кухню, стал у плиты, ручки в карманах, картинка, да и только, а личиком-то строг, как судья. И говорит: «Мэри, говорит, меня очень интересуют выборы. Я, говорит, республиканец, и Дорогая тоже. А ты, Мэри, республиканка?» — «Нет уж, говорю, извините. Я, говорю, демократка, да из самых крепких». А он глянул на меня так, что сердце у меня сжалось, и говорит: «Мэри, говорит, страна погибнет». И с той поры дня не проходит, чтобы он со мной не спорил, всё убеждает сменить взгляды.

Мэри очень привязалась к малышу и очень им гордилась. Она поступила в дом, когда он только родился; а после смерти капитана Эррола она была и за кухарку, и за горничную, и за няньку, и делала всё по дому. Она гордилась Седриком — его манерами, ловкостью и здоровьем, но больше всего — его золотистыми кудрями, которые вились надо лбом и падали прелестными локонами ему на плечи. Она трудилась не покладая рук и помогала миссис Эррол шить ему одежду и содержать её в порядке.

— Он у нас настоящий ристократ, а? — говаривала она. — Право слово, другого такого ребёнка даже на Пятой авеню не сыщешь! И как хорошо выступает в чёрном бархатном костюмчике, что мы из хозяйкиного старого платья перешили!.. Голову держит высоко, а кудряшки так и летят, так и сияют... Ну прямо маленький лорд, право слово!

Седрик и не догадывался, что выглядит словно маленький лорд, — он и слова-то такого не знал.

Самым большим его другом был бакалейщик из угловой лавки — сердитый бакалейщик, который, однако, на него никогда не сердился. Бакалейщика звали мистер Хоббс, и Седрик его уважал и восхищался им. Он считал мистера Хоббса очень богатым и могущественным: ведь у него в лавке было столько всяких разностей — инжир и чернослив, печенье и апельси-

ны; а ещё у него была лошадь с тележкой. Седрик любил и булочника, и молочника, и торговку яблоками, но мистера Хоббса он любил больше всех и так с ним дружил, что каждый день его навещал и частенько подолгу сидел у него, обсуждая последние новости. О чём только они не говорили! Ну, вот хотя бы о Четвёртом июля¹. Стоило разговору зайти о Четвёртом июля, как конца-краю ему уже не предвиделось. Мистер Хоббс отзывался весьма пренебрежительно о «британцах», излагал всю историю революции, вспоминал удивительные и патриотические истории о жестокости врага и отваге героев борьбы за независимость и даже цитировал большие куски из Декларации независимости. Седрик приходил в такое волнение, что глаза у него сияли, а кудри прыгали по плечам. Вернувшись домой, он с нетерпением ждал, когда они отобедуют, — так ему хотелось пересказать всё маме. Возможно, от мистера Хоббса он и перенял интерес к политике. Мистер Хоббс любил читать газеты — и Седрик теперь знал обо всём, что творится в Вашингтоне; мистер Хоббс не упускал случая сообщить ему, выполняет президент свой долг или нет. А однажды во время выборов всё шло, по его мнению, прямо великолепно, и конечно, если б не мистер Хоббс с Седриком, страна бы просто погибла. Мистер Хоббс взял его с собой посмотреть на большое факельное шествие, и немало горожан из тех, кто несли в ту ночь факелы, вспоминали потом полного мужчину, что стоял у фонарного столба, держа на плече красивого мальчика, который что-то кричал и размахивал шапкой.

Вскоре после выборов (Седрику в это время шёл уже восьмой год) произошло одно удивительное событие, разом изменившее всю его жизнь. Любопытно, что в этот день он как раз беседовал с мистером Хоббсом об Англии и королеве,

¹ Четвёртого июля отмечается День независимости США.

и мистер Хоббс весьма сурово отзывался об аристократии — особенно он возмущался всякими графами и маркизами. Утро выдалось жаркое; наигравшись с товарищами в войну, Седрик зашёл в лавку передохнуть и увидел, что мистер Хоббс с мрачным видом листает «Иллюстрированные лондонские новости».

— Полюбуйся, — сказал мистер Хоббс, показывая Седрику фотографию какой-то придворной церемонии, — вот как они сейчас развлекаются! Но погоди, им ещё достанется, когда восстанут те, кого они поработили, и они полетят вверх тормашками — все эти графья, маркизы и прочие! Этого не избежать, пусть поостерегутся!

Седрик устроился на высоком табурете, на котором он обычно сидел, сдвинул шапку на затылок, а руки, в подражание мистеру Хоббсу, сунул в карманы.

— А много вы маркизов и герцогов встречали, мистер Хоббс? — спросил Седрик.

— Нет, — отвечал с негодованием мистер Хоббс, — нет уж, уволь! Пусть бы хоть один попробовал сюда заявиться — увидел бы тогда! Я не потерплю, чтобы эти жадные тираны сидели тут на моих ящиках с печеньем!

И он с гордостью огляделся и вытер лоб платком.

— Может, они отказались бы от своих титулов, если бы знали, что к чему, — предположил Седрик. Ему было немного жаль этих несчастных аристократов.

— Ну, нет! — фыркнул мистер Хоббс. — Они ими гордятся. Такими уж они родились. Подлые душонки!

Так они беседовали — как вдруг дверь отворилась и в лавку вошла Мэри. Седрик подумал было, что она забежала купить сахару, но ошибся. Она была бледна и казалась чем-то взволнованной.

— Идём-ка домой, голубчик, — сказала она, — хозяйка тебя зовёт.

Седрик соскользнул с табуретки.

— Она хочет, чтобы я пошёл с ней гулять, да, Мэри? — спросил Седрик. — До свиданья, мистер Хоббс. Скоро увидимся.

Он удивился, заметив, что Мэри глядит на него во все глаза и почему-то качает головой.

— Что с тобой, Мэри? — удивился он. — Тебе нехорошо? Это от жары, да?

— Нет, — отвечала Мэри, — странные у нас дела происходят.

— Может, у Дорогой голова от солнца разболелась? — забеспокоился он.

Но дело было не в этом.

Подойдя к дому, он увидел у дверей коляску, а в маленькой гостиной кто-то беседовал с мамой. Мэри повела его побыстрее вверх, нарядила в выходной костюм кремового цвета, повязала красный шарф вокруг пояса и расчесала ему кудри.

— Ах, вот как, милорды? — бормотала она. — И знать и дворяне... Да провались они! Ещё чего не хватало — лордов всяких!

Всё это было непонятно, но Седрик не сомневался, что мама всё ему объяснит, и не стал ни о чём спрашивать Мэри. Когда туалет его был окончен, он сбежал по лестнице вниз и вошёл в гостиную. Худощавый старый джентльмен с умным лицом сидел в кресле. Перед ним, бледная, со слезами в глазах, стояла мама.

— Ах, Седди! — вскричала она и, кинувшись к нему, обняла и поцеловала его с волнением и испугом. — Ах, Седди, голубчик!

Высокий худой джентльмен встал с кресла и кинул на Седрика пронизательный взгляд, глядя подбородок костлявыми пальцами. Вид у него был довольный.

— Так вот он, — произнёс худой джентльмен медленно, — вот маленький лорд Фаунтлерой.



ГЛАВА ВТОРАЯ

ДРУЗЬЯ СЕДРИКА

Следующую неделю Седрик провёл в смятении, да и неделя была на редкость странной и даже невероятной. Во-первых, мама ему рассказала прелюбопытнейшую историю. Пришлось ей трижды всё повторить, прежде чем он её понял. Он и представить себе не мог, что скажет по этому поводу мистер Хоббс.

Речь шла о графах: дедушка Седрика, которого он никогда не видел, был, оказывается, граф; графом стал бы со временем и его старший дядюшка, если бы не умер, упав с лошади; а после его смерти графом стал бы второй его дядюшка, если бы не умер внезапно в Риме от лихорадки. Затем графом надлежало бы стать отцу Седрика, если бы он был жив; но так как все они умерли и в живых оставался один Седрик, графом, оказывается, предстояло стать ему — после смерти дедушки, а пока что он будет лордом Фаунтлероем.

Впервые услышав об этом, он побледнел.

— Дорогая! — воскликнул он. — Я не хотел бы становиться графом! Никто из мальчиков у нас не граф. Можно, я не буду графом?

Однако оказалось, что избежать этого нельзя. В тот же вечер они уселись с мамой у открытого окна, глядя на бедные домики, стоявшие на их улице, и всё подробно обсудили. Седрик сидел на скамеечке в своей любимой позе, обхватив руками колени, и, весь покрасневшись, пытался осмыслить происходящее. Дедушка хочет, чтобы он приехал в Англию, и мама полагает, что так и следует поступить.

— Потому что я знаю, — говорила миссис Эррол, глядя с печалью в окно, — что этого хотел бы твой папа, Седди. Он очень любил свой дом; и надо ещё многое принять во внимание, чего ты не понимаешь, ведь ты ещё маленький. С моей стороны было бы очень эгоистично тебя не пускать. Когда ты вырастешь, ты поймёшь почему.

Седди мрачно затряс головой.

— Мне будет грустно расстаться с мистером Хоббсом, — заметил он. — Боюсь, он будет по мне скучать, а я — по нему. Да и по всем остальным тоже.

На следующий день явился мистер Хэвишем — он был семейным адвокатом графа Доринкорта, и граф послал его в Америку, чтобы он привёз лорда Фаунтлероя в Англию, — и многое рассказал Седрику. Однако Седрик почему-то не утешился, узнав, что когда он вырастет, то будет очень богат и у него будут роскошные замки, огромные парки, глубокие шахты, великолепные поместья и арендаторы. Его беспокоил его друг мистер Хоббс, и сразу же после завтрака он отправился его навестить. Он очень волновался. Мистера Хоббса он застал за чтением газеты; Седрик вошёл с озабоченным видом. Он понимал, что весть о перемене в его жизни будет для мистера Хоббса большим ударом, и всю дорогу обдумывал, как лучше сообщить ему об этом.

— А, это ты, — сказал мистер Хоббс. — Доброе утро!

— Доброе утро, — ответил Седрик.

Он не залез, как обычно, на свой табурет, а уселся, обхватив колено, на ящик с печеньем и так долго молчал, что мистер Хоббс наконец вопросительно взглянул на него поверх газеты.

— Так это ты, — произнёс он снова.

Седрик взял себя в руки.

— Мистер Хоббс, — спросил он, — вы помните, о чём мы вчера утром говорили?

— Гм, — отвечал мистер Хоббс, — кажется, об Англии.

— Да, — согласился Седрик, — а вот когда Мэри за мной пришла, о чём?

Мистер Хоббс почесал в затылке.

— Кажись, поминали королеву Викторию и аристократов.

— Да, — неуверенно произнёс Седрик, — и... и... графов, помните?

— Ну да, конечно, — подтвердил мистер Хоббс, — мы их слегка задели, это уж точно!

Седрик покраснел до корней волос. Такой неловкости он ещё никогда не испытывал. К тому же он опасался, что и мистери Хоббсу будет сейчас не очень-то ловко.

— Вы ещё сказали, — продолжал он, — что не допустите, чтобы они тут рассаживались на ваших ящиках с печеньем.

— Да, сказал, — громко провозгласил мистер Хоббс. — И ещё раз скажу. Пусть только попробуют — увидят тогда!

— Мистер Хоббс, — произнёс Седрик, — на этом ящике сидит один из них!

Мистер Хоббс чуть не выпрыгнул из кресла.

— Что?! — вскричал он.

— Да, — объявил с должной скромностью Седрик, — я граф — вернее, я им буду. Не стану вас обманывать.

Мистер Хоббс забеспокоился. Он вскочил и подошёл к термометру.

— Тебе жара в голову ударила! — воскликнул он и, обернувшись, пристально поглядел Седрику в лицо. — Сегодня очень жарко! Как ты себя чувствуешь? Голова болит? Когда это у тебя началось?

Он положил большую ладонь Седрику на голову. Как это было ужасно!

— Благодарю вас, — сказал Седрик, — но я здоров. И голова у меня не болит. Мне очень жаль, но это правда, мистер Хоббс. Вот почему Мэри вчера за мной пришла. Мистер Хэвишем рассказал об этом маме, а он адвокат.

Мистер Хоббс повалился в кресло и утёр лоб носовым платком.

— Если не у тебя, то, значит, у меня солнечный удар! — вскричал он.

— Нет, дело не в этом, — возразил Седрик. — Придётся нам с этим смириться, мистер Хоббс. Мистер Хэвишем приехал прямо из Англии, чтобы сообщить нам об этом. Его дедушка прислал.

Мистер Хоббс в смятении уставился на серьёзное лицо мальчика, сидевшего перед ним.

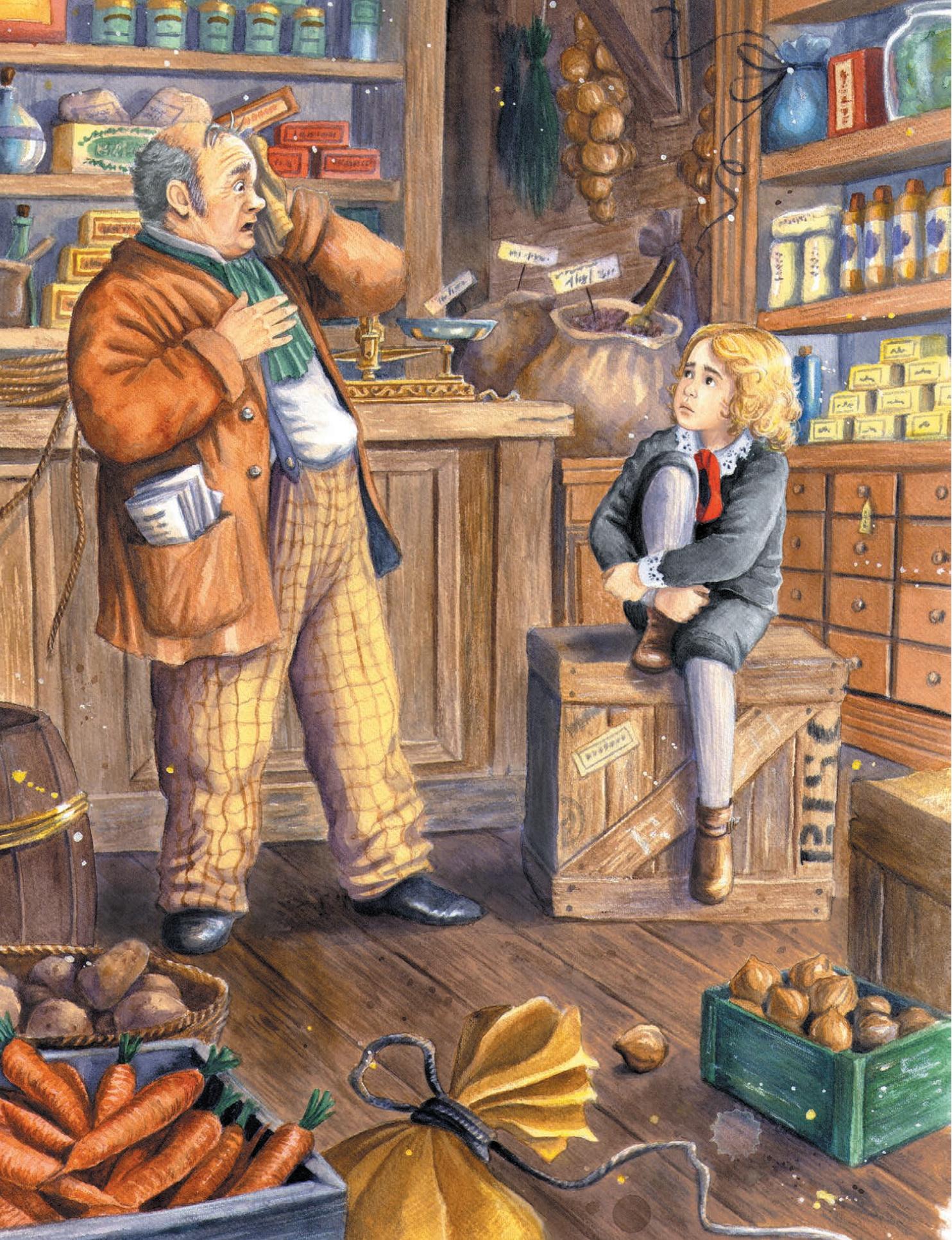
— А кто у тебя дедушка? — спросил он.

Седрик сунул руку в карман и осторожно вытащил из него листок бумаги, на котором он что-то записал своим крупным неправильным почерком.

— Мне трудно было запомнить, — пояснил он, — вот я и записал.

И он медленно прочитал вслух:

— «Джон Артур Молино Эррол, граф Доринкорт». Так его зовут, а живёт он в замке, вернее, в двух замках или, кажется, в трёх. Мой папа был его младшим сыном; будь он жив, я бы не был ни лордом, ни графом; но и папа не был бы графом, если бы его старшие братья остались живы. Но все они умерли, и ни одного сына, кроме меня,



ни у кого не осталось, так что графом приходится стать мне; и дедушка послал за мной из Англии.

Мистеру Хоббсу становилось всё жарче и жарче. Он утирал лоб и лысину и тяжело дышал. Он начал понимать, что случилось нечто из ряда вон выходящее; глядя на красивого, приветливого, смелого мальчика в чёрном костюмчике с красной ленточкой у горла, который сидел перед ним на ящике из-под печенья и с тревогой смотрел на него славными детскими глазами, он видел, что тот совсем не изменился. Мистер Хоббс не знал, что и думать о его словах про знатное происхождение. Смятение его ещё возрастало, ибо Седрик сообщил ему всё так скромно и просто, что было ясно: он не понимает, как невероятно это известие.

— Как... как, ты сказал, тебя теперь зовут? — спросил мистер Хоббс.

— Седрик Эррол, лорд Фаунтлерой, — отвечал Седрик. — Так мистер Хэвишем меня назвал. Когда я вошёл в комнату, он сказал: «А вот и маленький лорд Фаунтлерой!»

— Ну и ну, — воскликнул мистер Хоббс, — провалиться мне на этом месте!

Он всегда так говорил, когда был чем-то взволнован или удивлён. И в эту минуту он ничего другого не сумел придумать.

Седрику это восклицание показалось вполне приличествующим случаем. Он так любил и уважал мистера Хоббса, что восхищался всем, что бы тот ни делал. Он мало видел других людей, чтобы понять, что порой мистер Хоббс нарушал условности. Конечно, Седрик понимал, что мистер Хоббс совсем другой, чем мама, но мама была женщиной, а он подозревал, что женщины всегда ведут себя по-другому, чем мужчины.

Он задумчиво посмотрел на мистера Хоббса.

— Англия отсюда очень далеко, правда? — спросил он.

— Надо пересечь Атлантический океан, — отвечал мистер Хоббс.

— Это меня и огорчает, — сказал Седрик. — Верно, я теперь вас долго не увижу. Мне даже думать об этом не хочется, мистер Хоббс.

— Что ж, даже лучшие друзья расстанутся, — произнёс мистер Хоббс.

— А ведь мы уже много лет дружим, правда? — спросил Седрик.

— С самого твоего рождения, — отвечал мистер Хоббс. — Тебе ещё шести недель не было, когда ты впервые на этой улице появился.

— Да, — вздохнул Седрик, — не думал я тогда, что придётся стать графом!

— А как по-твоему, — поинтересовался мистер Хоббс, — отказаться нельзя?

— Боюсь, что нет, — отвечал Седрик. — Мама говорит, что папа хотел бы этого. Но если уж этого не избежать, я могу, по меньшей мере, постараться быть хорошим графом. Я не собираюсь становиться тираном. И если с Америкой опять начнётся война, я постараюсь её остановить.

Он долго и серьёзно беседовал с мистером Хоббсом. Немного придя в себя, мистер Хоббс не выказал, как можно было бы ожидать, особой вражды, но постарался смириться с положением дел и задал Седрику множество вопросов. А так как Седрик мог ответить лишь на некоторые из них, мистер Хоббс попытался ответить на них сам, а заговорив о графах, маркизах и их наследственных владениях, объяснял многое так, что, случись мистеру Хэвишему его услышать, он, верно, немало бы удивился.

Впрочем, мистера Хэвишева многое удивляло. Всю свою жизнь он провёл в Англии и не привык к американцам и к их обычаям. Вот уже почти сорок лет он был адвокатом

графа Доринкорта, знал всё о его великолепных поместьях, огромном богатстве и знатности и пристально изучал мальчика, которому предстояло всё это унаследовать.

Мистеру Хэвишему было известно, что в своё время старый граф разочаровался в старших сыновьях и что женитьба капитана Седрика на американке вызвала его гнев; известно ему было и то, что граф всё ещё ненавидел кроткую молодую вдову и говорил о ней не иначе как в жёстких и горьких выражениях. Он утверждал, что эта вульгарная особа заставила его сына жениться на ней, ибо проведала, что он графский сын. Старый адвокат тоже склонен был так думать. В своей жизни он повидал великое множество себялюбивых и корыстных людей, а об американцах был невысокого мнения. Когда он оказался на этой бедной улице и его коляска остановилась перед этим бедным домом, он поразился. Ему показалась ужасной самая мысль о том, что будущий владелец замков Доринкорт, Виндхэм-Тауэрс, Чорлворт и всех других великолепных поместий родился и живёт в таком скромном доме на улице с бакалейной лавкой на углу. Интересно, каков этот ребёнок и что у него за матушка, подумалось ему. Он почти боялся увидеть их. Мистер Хэвишем по-своему гордился знатным семейством, чьи дела он вёл в течение стольких лет, и ему было бы очень неприятно иметь дело с женщиной, которую он счёл бы вульгарной, корыстолюбивой особой, не уважающей ни родины своего покойного мужа, ни достоинства его имени. Это было древнее и славное имя, и мистер Хэвишем испытывал к нему величайшее почтение, хоть он и был всего лишь искущённым в делах адвокатом.

Когда Мэри ввела мистера Хэвишема в маленькую гостиную, он оглядел комнату критическим взором. Она была обставлена просто, но уютно; в ней не было дешёвых безделушек и аляповатых картин; кое-где на стенах висели простые, но выполненные со вкусом украшения; он увидел